ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ

честная биография

Кино-книга (АСТ)

Эдуард Стрельцов. Честная биография

«Издательство АСТ»
2020

УДК 796.332:929
ББК 75.578

Эдуард Стрельцов. Честная биография / «Издательство АСТ», 2020 — (Кино-книга (АСТ))

ISBN 978-5-17-121056-4

Эдуард Стрельцов стал Олимпийским чемпионом в девятнадцать лет. Легендарного футболиста, игрока московского «Торпедо», называли «русским Пеле». Но политическая и судейская машина раздавила форварда. Стрельцов оказался в тюрьме. Перед вами уникальная книга, в которой обо всех тайнах перипетиях судьбы Стрельцова рассказывают те, кто близко знал великого спортсмена, – родные, друзья, партнеры по команде, в том числе сын и внук Эдуарда Анатольевича, Никита Симонян и многие другие. Вы узнаете и том, каким Эдуард был в обычной жизни и на футбольном поле. Его знаменитый пас пяткой взрывал трибуны, а невероятные технические приемы не могут повторить до сих пор.

УДК 796.332:929
ББК 75.578

ISBN 978-5-17-121056-4

, 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Тюрьма: оговор, предательство, наказание? 7
Уголовное дело под грифом «секретно» 7
О друзьях – настоящих и мнимых 9
После тюрьмы – возвращение на поле 11
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Эдуард Стрельцов. Честная биография

Автор-составитель С.В. Кузина

Изображения для вклейки предоставлены из личных архивов Вадима Никонова и Надежды Фатеевой

Фотоматериалы предоставлены ФГУП МИА «Россия сегодня»

Интервью для книги любезно предоставили:
Игорь Эдуардович Стрельцов
Эдуард Игоревич Стрельцов
Никита Павлович Симонян
Вадим Станиславович Никонов
Леонид Александрович Пахомов
Анатолий Герасимович Никитчук
Наталья Анатольевна Никитчук
Лидия Гавриловна Иванова
Евгений Серафимович Ловчев

© Матвеев А.И., 2020
© ООО Издательство АСТ, 2020

* * *

Стрельцов Эдуард Анатольевич родился 21 июля 1937 года в Москве. Нападающий. Начинал играть в клубе «Фрезер». В составе столичного «Торпедо» выступал с 1954 по 1958 год и с 1965 по 1970. В составе сборной СССР (1955–1968, с перерывами).

В свои полтора года уже бил по мячу. Начальное образование 7 классов, отец ушел из семьи, мама, Софья Фроловна, одна воспитывала сына.

В 16 лет дебютировал за «Торпедо», там провел всю карьеру. В 1 7 блестяще начал выступления в национальной сборной СССР, оформив в первых двух матчах по хет-трику. В 18 лет стал лучшим бомбардиром первенства СССР. В 19 – олимпийским чемпионом Мельбурна. С командой «Торпедо» брал «золото» советского чемпионата (1965), Кубок СССР (1968). На заре игровой карьеры – чемпион Спартакиады народов СССР (1956).

В 1957 году включен в список соискателей престижного приза «Золотой мяч». Признавался лучшим футболистом страны дважды подряд (в 1967 и 1968) по результатам опроса популярного в те годы еженедельника «Футбол».

В списках 33 сильнейших игроков СССР – 7 раз, из них номером один в 1955–57, в 1965, 1967–68 годах, и номером два – в 1966-м. Лучший бомбардир чемпионата СССР (1955). Награжден орденом «Знак Почета» (1957). Заслуженный мастер спорта (1957). Лишен этого звания в 1958-м, восстановлен в 1967-м.

26 мая 1958 года Стрельцова арестовали незадолго до чемпионата мира. Туда он должен был отправиться в составе советской сборной и выступить на полях Швеции. Предъявили обвинение в изнасиловании 20-летней Марины Лебедевой, с которой юный тогда Эдуард общался на подмосковной даче. Туда футболиста вместе с партнерами по национальной команде Борисом Татушиным и Михаилом Огоньковым пригласил летчик Эдуард Караханов.

В материалах уголовного дела много противоречий и мало доказательств вины Стрельцова. Тогдашний руководитель страны Никита Хрущев дал жесткое указание – приговорить «зарвавшегося» футболиста к длительному сроку заключения. Существует реальная версия,

что насильником был как раз хозяин дачи, Эдуард Караханов. Но ему удалось уйти от возмездия.

Стрельцов наотрез отказывался переходить из родного ему «Торпедо» в тогдашние ЦСК МО и «Динамо». Что тоже являлось одной из причин уголовного преследования, по версии летописцев его биографии. Еще строптивый юноша отказал во взаимности дочери министра культуры Екатерины Фурцевой. Та-де припомнила Стрельцову унижение… Постаралась всеми силами упечь за решетку игрока, благо подоспела история с «изнасилованием».

Приговорили футболиста к 12 годам заключения, позже срок сократили до 7 лет. 4 февраля 1963 года было принято решение об условно-досрочном освобождении. По выходе на свободу Эдуард работал на ЗИЛе, учился во ВТУЗе. В 1965-м Стрельцову наконец разрешили вернуться в большой футбол, и он продолжил карьеру в «Торпедо». В том же, 1965-м, стал с командой чемпионом страны.

Завершил выступления в футболе в 1970-м из-за травмы ахиллова сухожилия. Позже работал тренером детских команд «Торпедо». Скончался от рака легких 22 июля 1990 года, похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Перед вами – книга об уникальном футболисте и замечательном человеке Эдуарде Стрельцове. Она построена на воспоминаниях самых близких людей – сына Игоря Эдуардовича, внука Эдуарда, партнеров по столичному клубу «Торпедо» и сборной СССР.

По сути, эксклюзив. Потому что на страницах книги вы найдете подробности истории любви. Не только между Эдуардом Анатольевичем и его супругой Раисой Михайловной. Но и в более широком смысле. Друзья по клубу и сборной расскажут то, что осталось «за кадром» для подавляющего большинства поклонников футбола.

Конечно, есть откровения по поводу драмы, случившейся со знаменитым игроком в 1958 году. Тогда его осудили, Стрельцов отбывал срок якобы за изнасилование. Читайте, делайте выводы сами.

Тюрьма: оговор, предательство, наказание?

Уголовное дело под грифом «секретно»

Так или иначе, но приходится возвращаться к теме мрачного периода в жизни отца? – вспоминает сын футболиста Игорь СТРЕЛЬЦОВ. – А именно – отвечать на вопросы журналистов о том, как он угодил за решетку? Честно – не могу знать всех подробностей дела. В 1958-м, когда разыгрались драматические события, я еще не родился. Спустя шесть лет появился на свет – когда он вышел из тюрьмы. Выдумывать, домысливать ради дешевых сенсаций никогда не стал бы. Тем более, касательно близкого человека. Память об Эдуарде Анатольевиче следует уважать.

…Мои знакомые в свое время раскопали часть материалов уголовного дела, на основании которых осудили отца. Я осознанно не поехал с ними в тот архив. От неких официальных лиц поступила информация, что сыну Стрельцова ничего не покажут. Якобы еще не время. Почему? Оказалось, некоторые документы хранились под грифом «Секретно». Ужас. Будто известный футболист работал на иностранную разведку или слыл закоренелым убийцей…

Видимо, было что скрывать. Может быть, очевидный оговор, может, клеветнические измышления, совсем уж не соответствующие действительности? Потому якобы родственникам не стоит это видеть и читать.

А некоторые страницы в материалах уголовного дела почему-то утеряны. И не просто утеряны, а выдраны с корнем! Сознательно, или чья-то неряшливость? Обязан же архивариус смотреть за состоянием документов. Странно все это.

Не менее странен и тот факт, что не могли девушки не отдавать себе отчета, что едут на дачу в сопровождении красивых молодых мужчин. И вообще, по-моему, там изнасилованием «не пахло». Статью, по мнению подкованных в юриспруденции людей, следовало переквалифицировать в «нанесение мелких телесных повреждений». Не более того.

Я, и особенно близкие товарищи отца, давно с ним дружившие, прекрасно наслышаны о его характерных особенностях: например, когда выпивал, то почти сразу засыпал. Редко когда отчетливо помнил, что происходило накануне. Возможно, недобросовестные стражи правопорядка, прежде всего, следователи, воспользовались его мягкостью, а в чем-то и бесхарактерностью. Не помните? Получите срок! По их разумению, «амнезия» лишь отягчает участь обвиняемого. Тем более, глава страны дал жесткое указание разобраться с «зарвавшимся» футболистом. Задание выполнили – упекли человека в тюрьму. «Молодцы».

Еще пошли на откровенный обман. Предлагали отцу взять вину на себя: видимо, очевидных доказательств не нашли. Тогда, мол, оформим условный срок, и отпустим – прямо из зала суда. Чем закончилась та профанация, известно.

Бабушка Софья Фроловна, мама отца, ездила к «потерпевшей» Марине Лебедевой, общалась с ней и ее родителями. Те в свою очередь требовали серьезной материальной компенсации. Тогда, мол, они заберут заявление с обвинениями в адрес «насильника». Но, как и от бабушки, так и от отца, я не мог добиться всех подробностей дела. Так, урывками. Но результат переговоров с Лебедевыми известен. Письменный отказ от претензий к Эдуарду Стрельцову Марина отправила в суд, но с очень серьезным, а потому роковым опозданием. Маховик правосудия уже вовсю крутился, перемалывая жизнь совсем молодого тогда человека и выдающегося спортсмена. К материалам уголовного дела заявление не приобщили. Это рассказали знакомые, посетившие тот самый архив.

На момент тех драматических событий тогдашняя супруга Эдуарда Анатольевича – Алла подала на развод. Поверила наветам, сплетням, дрязгам вокруг недавно любимого ею человека.

Может, психологически не выдержала тяжести ситуации – молодая же еще была. Трудно осуждать. Но история с разводом все-таки была крайне неприятная, смахивала на предательство. Да отец и не простил ей эту моральную измену.

Знаю, что уже женившись на моей маме, он однажды встретился мельком с Аллой. Та не прочь была восстановить отношения. Только отец категорически не хотел «назад», искренне и глубоко любил свою Раису Михайловну. Никогда бы от нее не ушел. Как показала сама жизнь, взаимное, всепоглощающее чувство не оставило их до конца дней.

О друзьях – настоящих и мнимых

Иногда сам задаюсь вопросом, да и меня нередко спрашивают: почему отца навещал в тюрьме из игроков «Торпедо» только Виктор Михайлович Шустиков? Остальные не решались, что ли? Времени не находили? К примеру, Валентин Козьмич Иванов, считавшийся одно время закадычным другом, ни разу не наведался. Другие партнеры тоже.

Возможное объяснение есть. Как я позже узнал, за посещение «мест не столь отдаленных» могли наказать. В эпоху коммунизма тотальная опека КГБ простых граждан не предполагала проявлений сочувствия к осужденным. Вероятно, игроки «Торпедо» по настоятельной просьбе сотрудников спецслужб подписались не ездить к опальному партнеру. Всякое могло быть. Трудно кого-то осуждать за возможное малодушие. Председатель парткома ЗИЛа по своему статусу и положению, понятно, не мог навещать отца. Хотя утверждение не бесспорное.

Хорошо еще, что отец не был членом партии на момент ареста и заключения. Боюсь, в этом случае его продержали бы в тюрьме все двенадцать лет, что изначально присудили. Ну, как же, коммунист, а такое себе позволил… И по возвращении из мест заключения не позволили бы к мячу и близко подойти. Такие были времена.

У Шустикова к тому моменту авторитет в команде был колоссальный, репутация безупречная. И человек он кристально честный, добрейшей души. Никого и ничего Виктор Михайлович, получается, не опасался. Истинный друг. А друзей, как известно, много не бывает.

Очень подкупали отца, да и нас с мамой, манера общения Виктора Михайловича, его проникновенный голос. Вокруг него как будто нимбом сияла аура добра, что создавало непередаваемое ощущение! Такие люди поистине редкость. Раз и навсегда попадаешь под их обаяние. Отец из их числа, ему очень повезло с Михалычем.

Шустиков иногда брал с собой на встречи с отцом мою бабушку Софью Фроловну, уж очень она скучала по сыну. Хотела сама убедиться, что Эдик, как она его называла, жив и здоров. И бережно хранила переписку с ним. Но однажды письма и фотографии сына из тюрьмы попросил для написания книги журналист Нилин. И бесценные для нашей семьи реликвии канули в небытие. Нилин сослался на пожар в своем загородном доме, в результате которого письма сгорели. Но часть из них он все-таки успел опубликовать в своих первых книгах о моем отце.

…Кстати, Виктор Михайлович не так давно, казалось, начинал приоткрывать мне секреты драматической истории, приключившейся с отцом. С кем еще, как не с Шустиковым, тот мог делиться сокровенным? Но вдруг по ходу разговора неожиданно умолкал, будто убоявшись своих откровений. Видимо, сомневался, стоит ли сыну «Стрельца», как любовно называли отца партнеры по «Торпедо» и сборной, открывать суровую правду. Слишком юн, мелькало, наверное, в голове Виктора Михайловича, истинного, многолетнего, проверенного годами друга нашей семьи.

Вероятно, щадил мою не совсем сложившуюся психику, не хотел обременять ее нелегкими к восприятию деталями. «Нет, Игорь, нет, как-нибудь позже», – говаривал Шустиков. Ну, вылитый мой отец – те же фразы, один в один…

Вообще все ветераны футбола, игравшие с отцом, и спортсмены других поколений очень хорошо к нему относились. Игроки помоложе – торпедовцы – его боготворили не только за спортивные качества, но и за человечность, теплоту, душевную доброту, отзывчивость. Партнер по «Торпедо» Григорий Янец, спартаковец Георгий Ярцев стали для отца не только коллегами по футболу, но и товарищами в жизни. Приходили в наш дом, были рядом не только в минуты веселья, но и в периоды разочарований, переживаний.

Но шумные компании отец, особенно после отсидки, не любил. Если приглашали на презентации в рестораны, на праздничные мероприятия, то всегда стоял в сторонке. Но зато с большим удовольствием ездил с ветеранами футбола в лес по грибы и ягоды, на рыбалку…

Любил с семьей гулять в столичных парках. Мы на аттракционы часто ходили, мороженое ели. Почти неизменно к нам присоединялась чета Никитчуки, замечательные люди. Он познакомился с Анатолием Герасимовичем Никитчуком на кафедре футбола Института физкультуры.

…О его друзьях по заключению, если таковые имелись, ничего не знаю. Во всяком случае, у нас дома, в компаниях я их не видел. О тюремной жизни – полный молчок. Из отца ничего не вытянешь. Разговоры о том периоде неизменно оставлял «на потом». «Сидел, отсидел, все нормально», – традиционный набор фраз. Иногда все же прорывалось: «Не я должен был сидеть».

Вот о футбольных баталиях в период заключения скупо поведал. Во время матчей противники нередко лупили его по ногам, подчас преднамеренно. Так пытались вывести из равновесия. Мячей забивал, как и на воле, много, что, конечно, раздражало соперников, которые толком-то и играть не умели. Подлыми ударами в «кость» норовили травмировать. Такая зловредная «публика» подобралась.

Рассказывал также, что интерес к игре проявлял даже начальник тюрьмы. Просил отца показать финты, научить всяким футбольным тонкостям. Турнир организовали: кто и сколько раз мяч начеканит – на время. Это как в детстве. Мы, пацаны, тоже этим увлекались – чеканили мячиком во дворе.

…Отец, как я понял, в тюрьме правильно, естественно себя держал. Выбрал нужную манеру поведения, ее и придерживался. Но попытки поставить на место знаменитого футболиста все-таки предпринимались «отморозками». Их, как вы сами знаете, в тюрьмах хватает.

Один крупный инцидент с избиением едва не стоил ему жизни. Его элементарно подставили, что нередко происходит не только в местах заключения, но и в обыденной жизни, на воле. Ну, не мог же он просчитать все ходы и козни негодяев на годы вперед.

Дал отпор молодому осужденному. По сложившейся, опять же тюремной, традиции «молодняк» трогать нельзя. На жаргоне – отмудохали за милую душу. Не просто били – профессионально молотили. Это уже по рассказам самого отца. В камеру вошли заключенные «со стажем» и без долгих предисловий принялись избивать. Били целенаправленно по жизненно важным органам. Еле-еле живым остался.

На «зоне» отец работал на вредных предприятиях, надышался всякой гадости. Ведь никаких защитных масок заключенным не полагалось. Они, по разумению тогдашней власти, были «врагами народа» в буквальном смысле. Думаю, он уже там подхватил заразу. Да еще много курил. Поэтому позже и появился страшный диагноз – рак легких.

Повторюсь, он неохотно и очень скупо говорил о своей лагерной жизни. Тема малоприятная. Какой нормальный человек будет подробно рассказывать о том периоде? Даже своим близким. Дома – почти табу. «Зона» – это очень плохо, – рассуждал отец. – Большущая грязь, в прямом и переносном смысле. Оттуда почти невозможно выйти человеком». «Но ты сдюжил, вышел, все нормально», – возразил я. «Выходят людьми – единицы», – заметил он грустно.

После тюрьмы – возвращение на поле

В заключении отец набрал лишний вес, поэтому из зоны, по его собственному признанию, вышел немного погрузневшим. Хотя со стороны не очень было заметно. Понятно, что тщательно следить за спортивной формой, поддерживать нужный тонус не представлялось возможным в неподобающих для футбола условиях.

После возвращения «оттуда» поставил перед собой задачу – вернуться в большой футбол, чему и посвящал все свое время. Подолгу напряженно тренировался, готовился в любых, даже, казалось, неприемлемых для такого мастера условиях. Занимался даже на гаревом поле – это жесткое покрытие, которое состоит из песка и мелких камней. Один из худших типов покрытия для игры в футбол, потому что уже после первой тренировки обувь и одежда покрывается толстым слоем коричневой пыли. Но Эдуарда Стрельцова это не смущало. В одиночку, пока не разрешили играть, шлифовал финты, подтягивал физическую форму.

Многие очевидцы, разумеется, старше меня, утверждали, что папа сильно изменился. Все-таки период заключения сыграл определенную роль. Не обязательно только негативную. Внутренний мир стал иным, да и стиль игры поменялся. Чаще пас отдавал, нежели сам завершал атаки. И получал от этого даже больше удовольствия, чем в индивидуальной игре. Так он мне говорил. Может, поэтому относительно долго не мог забить, когда вернулся к большой игре. Правда, молодые визави в «Торпедо» не всегда «читали» замыслы лидера нападения. Со временем, однако, взаимодействие наладилось. Эдуард Анатольевич и компания получали истинное удовольствие от игры. Заодно радуя многочисленных поклонников «черно-белой» команды.

Единственное, что отец никак не мог понять: почему мяч не дают гонять на профессиональном уровне? «Я свое отсидел, играть все равно не позволяли», – вспоминал он. Его здравый смысл отказывался принимать глупые уклады повседневной советской действительности. Даже спустя годы в его глазах читалась… нет, не злость, а недоумение, разочарование.

Ведь он страстно любил футбол! Лишить такого человека возможности играть – смерти подобно. Просто кощунство. Некоторые, конечно, могут возразить: ну, работал бы по специальности. Ведь в его трудовой книжке стояла запись: «Токарь-фрезеровщик». Но даже в период, когда он числился рабочим ЗИЛа, выступал в первенстве завода по футболу среди заводских коллективов. Кстати, очень массовом движении по тем временам. Разумеется, отец никогда не трудился по специальности, указанной в книжке. В те годы практиковали: формально делали записи о полученной профессии, а человек играл в футбол или хоккей.

В Малаховский институт физкультуры ему помогли поступить, потому что спортивное образование было необходимо по окончании карьеры. И учился не формальности ради – посещал лекции, готовил рефераты, сдавал экзамены, в общем, грыз гранит науки. Но без футбола себя не мыслил. Более преданного игре человека трудно найти. Мог не заиграть после тюрьмы? Кто-то иной, только не он! Уж очень рвался доказать свою состоятельность на поле. И ему удалось.

В большом спорте нередко атлеты тяжело травмируются. А затем возвращаются и демонстрируют великолепные результаты. Тем самым опровергают мрачные на свой счет прогнозы скептиков. Отец, к счастью, избежал физических увечий. После потерь морального свойства восстановился, обрел семью, ребенка, наконец. И снова заиграл, подобно ярчайшей «звезде».

Мощнейшим стимулом для него стало появление новой семьи – моей мамы, меня… Ведь душевный баланс очень многое значит для каждого из нас. А Эдуарду Стрельцову сильно повезло в личном плане. Должно же было повезти хоть в чем-то в его непростой период! Во многом это предопределило всю его дальнейшую жизнь. Он играл и жил в атмосфере счастья,

любви, и по большей части – взаимопонимания. Почти идеальный вариант, если сравнить его жизнь с судьбами других спортсменов.

Например, партнер отца по «Торпедо» – знаменитый Валерий Иванович Воронин попал в автомобильную аварию. С немалым трудом преодолел невзгоды, вернулся в игру. Но, увы, карьера после пережитого им несчастья пошла на спад. Почти все в один миг исчезло после того несчастья. То была лишь «тень» прежнего грозного форварда. Обаяние личности улетучилось. Дело в том, что Воронин был очень красивым парнем, за ним все девушки бегали. По рассказам очевидцев, дамы посещали матчи торпедовцев, чтобы только насладиться игрой Воронина, его статной, красивой фигурой. А после аварии лицо повредил, из-за чего очень сильно переживал. А затем и вовсе ушел из жизни.

Какие разные судьбы двух великих футболистов! Хотя в чем-то схожие: оба по-своему преодолевали жизненные трудности. И моему отцу – я точно знаю – очень помогала выстоять, противостоять всем невзгодам и сохранять оптимизм его любимая жена и моя мама. Другая женщина в подобной жизненной ситуации в какой-то момент не выдержала бы, сдалась бы на милость судьбы. Но только не она. Никогда не позволяла ему киснуть, наполняя его энергией любви.

На то время, о котором сейчас рассказываю, мне было шесть-семь лет. Какие-то моменты все равно запоминались. Позже, став взрослым, еще больше узнавал о жизни родителей, анализировал. Помню, как он переживал, когда понял, что его карьере пришел конец.

В большом спорте советского времени люди часто не знали, чем заняться после завершения своей деятельности. Самая большая проблема того времени! Отец – не исключение. Это сейчас в маркетинг идут, в теле-радиокомментаторы… В общем, находят себя на другом поприще. Тогда выбор – куда пойти и чем заняться – представлялся весьма скудным. И я в то время чувствовал, что мой родитель по завершении карьеры как будто «потерялся» – выглядел неприкаянным.

Максимум, на что мог рассчитывать знаменитый игрок Стрельцов, – стать тренером, передавая свой огромный опыт детям и юношам. «Контингент» хороший, добротный, благодарный. Из мальчишек можно «лепить» достойных футболистов и граждан своей страны. Но, скорее всего, он считал подобную работу временной: все-таки не тот уровень, на котором ему хотелось проявить себя. А еще были поездки по стране с командой ветеранов советского футбола. Больше выбора не было.

Однако, несмотря ни на что, огромная любовь к футболу позволила знаменитому Стрельцову снова ярко заиграть. Болельщикам, как всегда, очень импонировал стиль их футбольного идола. Наверняка столь трепетное отношение поклонников игры вдохновляло его на свершение новых спортивных подвигов. Он по-настоящему ожил, оставив тюремные нары в прошлом. А особенно, как я уже говорил выше, повлияла на него встреча с моей мамой Раисой, которая как будто заново вдохнула в него жизнь – и отец забыл все плохое, что было в тюрьме. По окончании карьеры он со мной делился некоторыми впечатлениями, воспоминаниями. Рассказывал, как был рад доставлять своей игрой удовольствие болельщикам. Не стеснялся признаваться и в неудачах. Так, помню, как он с горечью вспоминал, что уже будучи в составе «Торпедо» долго, по его меркам, не мог забить гол после возвращения «оттуда». Никак мяч не залетал в ворота соперников, словно был заколдованный.

«Твоя игра после «зоны» изменилась?» – с юношеской непосредственностью теребил я его. «Знаешь, до тех событий я был молодым, уверенным в себе игроком и человеком, – размышлял отец. – А, вернувшись, осознал, что в одиночку на футбольном поле не выживают, каким бы великим ты ни был».

Очень часто задают вопрос: почему два года Эдуарду Стрельцову не давали выступать в основном составе родного клуба «Торпедо»? Дошло до того, что руководство ЗИЛа отправляло письма соответствующего содержания в отделы ЦК КПСС. Мол, дорогие товарищи,

разрешите, наконец, нашему лучшему нападающему возобновить футбольную деятельность. Конечно, парторг завода, его коллеги бились за игрока отчаянно, пытаясь как можно быстрее вернуть любимца публики на поле. Но товарищи «сверху» все это время молчали. Но, слава богу, хотя бы не запрещали тренироваться.

Отец вместе с друзьями по футболу, многочисленными поклонниками его таланта тоже недоумевал: почему играть-то не дают за «Торпедо»? А в 1965-м свершилось! К неописуемой радости болельщиков он вышел в черно-белой торпедовской майке. И стал чемпионом страны! Спустя еще три года завоевал вместе с командой Кубок. Затем дважды подряд признавался лучшим футболистом СССР по итогам сезона. Заслуги немыслимые, но сейчас, к сожалению, воспринимаются нормально, даже обыденно, как само собой разумеющееся.

Зэк не зэк, а партнеры по «Торпедо» и национальной сборной все равно любили Эдуарда Анатольевича. Невзирая ни на что. По-моему, любили даже сильнее именно после возвращения «оттуда». Может, это наша национальная черта характера: поддерживать всей душой и сердцем угнетенных, тем более несправедливо осужденных.

Подробно уже рассказывал о замечательных людях, которые, не таясь, всячески поддерживали папу в самый нелегкий для него период. Номер один, конечно, Виктор Михайлович Шустиков. Еще Александр Медакин. Разумеется, его мама Софья Фроловна всецело посвятила себя сыну. Тепло их сердец он ощущал даже на расстоянии. Потому и тяготы переносил легче, по его же признанию. И благодаря этой поддержке в матчах советского первенства он после долгих мытарств со стороны властей предержащих все-таки заиграл.

За рубеж, однако, его по-прежнему не выпускали. «Неблагонадежен» – этот известный ярлык вешался тогда неугодным. На Чемпионат мира 1966 года в Англию отец со сборной не поехал. По той же причине. А вдруг остался бы на просторах Туманного Альбиона? Такие соображения одолевали функционеров всех мастей – от большого спорта до политической верхушки. Знаю это из рассказов друзей папы по «Торпедо», сборной СССР.

А то, что национальная команда лишилась одного из лучших, если не самого лучшего форварда накануне важного турнира, никого «наверху» не интересовало. Так называемая «политическая целесообразность» – прежде всего. Уровень глупости вкупе с непроходимой пошлостью у некоторых людей в то время зашкаливала. Хотя бы подумали: как Стрельцов мог остаться в другой стране, если в 1966-м у него подрастал маленький сын, дома ждала любимая жена, и сам он был глубоко семейным человеком?!

…Хорошо, что до сих пор есть истинные, порядочные поклонники футбольного таланта Эдуарда Стрельцова. Например, простые болельщики, которым я очень признателен. Среди журналистов тоже имеются замечательные люди, например, Лев Иванович Филатов, жаль, нет его с нами. Лев Иванович вместе с коллегами пытался официально восстановить доброе имя отца, чтобы с него сняли незаслуженную судимость. К сожалению, не удалось. Но все равно – огромная благодарность от нашей семьи Филатову и его соратникам.

Однако слишком велика армия тех, кто делает себе имя на подготовке дешевых сенсаций. Их публикации не дают читателям ничего – ни уму, ни сердцу. На ТВ и радио данная тема нередко поднимается некомпетентными людьми, которые порой не знают и малой части событий. Но с умным видом вещают на всю страну.

Как правило, пик грязной возни вокруг имени близкого нам человека приходится на юбилейные даты, сопутствующие мероприятия. Невольно задавался вопросом: не надоело еще грязь копать?! Хочется попросить: господа и дамы, прекращайте нести откровенную чушь. Хотя бы не рассказывайте народу небылицы, совсем уж далекие от реалий.

Не люблю афишировать себя, не стремлюсь быть в центре внимания. Это отнюдь не кокетство. Просто очень устал отбиваться от назойливых, зачастую неумных репортеров всех мастей. Вроде искренне делюсь впечатлениями, воспоминаниями. Но потом, к удивлению, переходящему в ужас, читаю неврастенические опусы. Потому открыто заявляю: если намере-

ваетесь только о «зоне» со мной говорить, лучше не тратьте время. Нет смысла встречаться и общаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.